

Ирина Федоровна Гнусова

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
общего литературоведения, издательского дела и редактирования,
Национальный исследовательский Томский
государственный университет
(Томск, Российская Федерация)
irbor2004@mail.ru*

ГЕРОЙ-ПРОПОВЕДНИК В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ЭЛИОТ*

Аннотация. В статье анализируются образы священнослужителей в произведениях Л. Н. Толстого и процесс выработки в его творчестве особого типа героя-проповедника. Предпринимается попытка доказать, что этот процесс происходил в контексте пристального внимания писателя к образам проповедников в творчестве Джордж Элиот, о чем свидетельствуют письма, дневниковые записи и пометы в книгах из личной библиотеки Толстого. В образе Нехлюдова присутствуют основные характеристики героя-проповедника Толстого. Провозглашая евангельские истины, он не принадлежит ни к одной из конфессий, не ведет открытой пропаганды своих взглядов, но доказывает свою правоту делами и всей жизнью. Он отказывается от земных благ и сознательно интегрируется в народную жизнь. Пройдя путь раскаяния в прошлых грехах, он вырабатывает в себе умение прощать и милосердие. Эти черты акцентирует в своих ключевых героях и Джордж Элиот: в статье рассматриваются образы героев-проповедников в повести «Исповедь Джэнет» и романах «Адам Бид» и «Феликс Холт, радикал». Изображение проповедничества у Элиот становится для Толстого своеобразным ориентиром при формировании нового типа героя в его позднем творчестве.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Джордж Элиот, священнослужитель, проповедник.

Интерес Л. Н. Толстого к творчеству Джордж Элиот хорошо известен исследователям русско-британских культурных связей. Однако до сих пор мало сказано о причинах этого интереса и его значении для эстетических и нравственно-философских исканий Толстого¹. Нам представляется, что своеобразный творческий диалог двух писателей проходил в контексте пристального внимания Толстого к вопросам религии и выработки в его произведениях особого типа героя-проповедника.

Такой контекст, на наш взгляд, был задан самим писателем, который в июне 1859 года так комментирует свое знакомство

с первым художественным произведением Элиот — циклом повестей «Сцены из клерикальной жизни»:

Счастливы люди, которые, как англичане, с молоком всасывают христианское ученье, и в такой высокой, очищенной форме, как евангелический протестантизм. Вот и нравственная и религиозная книга, но которая мне очень понравилась и сделала сильное впечатление...² (60, 300).

Из трех частей цикла Толстой особо выделяет «Исповедь Джэнет» (1857), героем которой как раз и является евангелический проповедник Эдгар Триан.

В том же 1859-м году Толстой знакомится с первым из шести романов Джордж Элиот «Адам Бид» (1859), который впоследствии в статье «Что такое искусство?» (1897) отнесет к числу творений «высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства» (30, 160). В «Адаме Биде» вновь возникает яркий образ проповедника — на этот раз это молодая методистка Дина Моррис. В одной из первых глав она проповедует на лугу перед поселянами, а кульминацией романа становится сцена в тюремной камере, где Дина помогает преодолеть отчаяние и безверие героине-антиподу — осужденной на казнь деревенской красавице Хетти Соррел.

Можно с уверенностью предположить, что в период с 1860 по 1872 год Толстой прочел и остальные романы Элиот, поскольку в середине 1880-х он упоминает о повторном знакомстве с ними. Так, в письме от 2 февраля 1885 года писатель сообщает, что перечитывает роман «Феликс Холт, радикал» (1866), и дает ему весьма высокую оценку:

Превосходное сочинение. Я читал его, но когда был очень глуп, и совсем забыл. Вот вещь, которую бы надо перевести, если она не переведена (83, 477).

В яснополянской библиотеке, кроме того, хранится издание романа с карандашными пометами писателя: он отчеркивает на полях четыре фрагмента в сцене, где главный герой, молодой ремесленник Феликс Холт, избравший своей целью просвещение народа, пытается убедить суетную красавицу Эсфирь в необходимости более серьезно относиться

к жизни. Один из таких фрагментов завершается саркастичным заявлением Эсфири:

Вам и впрямь нужно основать секту. Проповедовать — это ваше призвание. Жаль, что у вас всегда будет только один слушатель³.

Тема проповедничества никогда не являлась самоцелью в творчестве Джордж Элиот — особенно учитывая то, что еще до своего обращения к литературной деятельности она сознательно «отвергла все формы культа» [2, 12], будучи убеждена вслед за Фейербахом в антропологической сущности христианства. Однако, по свидетельству биографа писательницы Летиции Купер, Элиот всегда интересовалась евангельским движением и столкновениями между разными церковными порядками и формами богослужения. В одном из писем она замечала:

Какая жалость, что английские писатели пренебрегают этой темой, которая уже готовая лежит у них под рукой⁴.

Свою роль в активном обращении Джордж Элиот к образу священнослужителя сыграли, разумеется, и социокультурные предпосылки: духовенство в Великобритании «занимало центральное положение среди всех других классов, за счет чего было отличным объектом для наблюдений» [4, 22], как пишет Роберт Лидделл. Однако для нас важно, что Элиот обращается не к изображению духовных лиц вообще: ее проповедники почти всегда находятся за гранью нормального, привычного для изображаемого социума, их подвижнический труд вызывает осуждение, недовольство или даже открытый протест, связанный с риском для жизни, — как, например, в случае с Эдгаром Трианом в «Исповеди Джэнет». Вероятно, именно поэтому все они принадлежат не к традиционной англиканской церкви или не к общераспространенным политическим течениям, как Феликс Холт.

При этом герои-проповедники выполняют в произведениях Элиот не одну лишь конфликтообразующую функцию — это всегда герои-идеологи, посредством которых до читателей доводятся ключевые мысли автора. Такие герои сознательно выбирают жизнь вблизи от своей паствы, сопряженную с трудными бытовыми условиями: они сознательно

переселяются в рабочие кварталы небольших промышленных городов. Наконец, герои-проповедники всегда отрекаются от личного счастья — хотя Элиот, в традициях викторианского романа, все-таки приводит всех троих к созданию семейных союзов (очевидно, что только ранняя смерть мешает Триану жениться на спасенной им Джэнет в финале «Сцен из клерикальной жизни»).

Образ евангелического проповедника Триана в «Исповеди Джэнет» добавляет еще одну важную черту: мотив греха, морального преступления, с которым связан выбор героем своего пути. Речь идет о том, что, будучи студентом, Триан совратил семнадцатилетнюю девушку Люси, гораздо ниже его по положению, и принудил ее бросить родительский дом. В дальнейшем Люси уходит от него, а позже Триан случайно видит тело героини, только что совершившей самоубийство, и узнает, что все это время она жила в публичном доме и сильно нуждалась. Хотя в англо-американском литературоведении этот эпизод биографии Триана оценивается как «слабый» и «ненужный» [4, 27], нет сомнений, что Толстой обратил на него внимание.

Сам Толстой, в отличие от Элиот, не испытывал особого интереса к образам священнослужителей. Это «пренебрежение», на наш взгляд, связано с целым комплексом причин, главные из которых — психологические. При всей сложности религиозно-философских исканий Толстого не вызывает сомнений, что в основе его мировоззрения лежали христианские ценности и, в сущности, он никогда не переставал быть верующим человеком: «верил во что-то» (23, 3), как пишет сам Толстой в «Исповеди» (1882). Однако в этом же знаменитом трактате писатель откровенно признается, что

...с шестнадцати лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть (23, 3).

Сложное отношение к институту Церкви, вероятно, и стало причиной того, что до случившегося с ним мировоззренческого кризиса Толстой избегал церковной тематики вообще. Впрочем, Павел Басинский в своей книге «Святой против Льва» дает еще более простое объяснение: он предполагает,

что писатель попросту не знал жизни духовенства, «оно являлось для него *terra incognita*» [5, 183].

Это обстоятельство выводит нас еще и к причинам культурологическим, поскольку Толстой был не одинок в этом незнании духовенства как сословия. А. Н. Розов в своем диссертационном исследовании анализирует духовную периодику второй половины XIX века и указывает, что церковные критики постоянно негодовали на своих современников-литераторов. По их словам, «художественная литература игнорирует многие существенные черты быта духовенства», «мало внимания уделяется описанию забот пастыря о своей пастве, влиянию на прихожан, а именно этим вернее всего оценивается священнический труд; практически не отражена внутренняя духовная жизнь священника» [13, 267]. Обобщая эти дискуссии, А. Н. Розов пишет, что предпосылкой к такому невниманию стало утвердившееся еще в петровские времена презрение образованной части русского общества к духовенству как классу [13, 260].

Тем не менее до кризиса 1870–1880-х годов Толстой не выражает в своих произведениях критического отношения к священнослужителям. Образы служителей Церкви появляются в произведениях писателя скорее как обязательная деталь сцен богослужения: старый священник в «Семейном счастье» вписывается в общий интерьер сельского храма и напоминает Маше об умерших родителях; «благообразный, тихий старичок» священник служит обедню в одной из ключевых сцен «Войны и мира», заставляя Наташу испытать «радостное и томительное чувство» (11, 74) душевного очищения.

Духовный кризис конца 1870-х годов резко обострил отношение Толстого к священнослужителям. Так, в «Исследовании догматического богословия» (1879–1884) он прямо заявляет, что православное духовенство — это

...несколько нестриженных людей, очень самоуверенных, заблудших и малообразованных... называемых архиереями и митрополитами, и тысячи других нестриженных людей ... занятых тем, чтобы под видом совершения каких-то таинств обманывать и обирать народ.

Конкретный же приходской священник описывается Толстым как

...выпущенный из семинарии, одуренный, полуграмотный мальчик, или пьющий старик, которого одна забота — собрать побольше яиц и копеек (23, 296).

Однако, как ни парадоксально, отпадение от православной Церкви значительно усиливает интерес Толстого к художественному изображению священнослужителей. Вероятно, только углубившись в церковную проблематику, писатель начинает интересоваться самой личностью человека, выбравшего путь служения Церкви, психологическими мотивами этого выбора, возможными сомнениями в нем и в целом психологией священника.

Именно в поздний период творчества писатель создает первое и единственное свое произведение, где главным героем является духовное лицо, — повесть «Отец Сергей», над которой Толстой с перерывами работал в 1890–1891 и 1898 годах. В 1900-е годы Толстой снова начинает работать над произведениями со схожим сюжетом, но и «Отец Василий» (1906), и «Иеромонах Илиодор» (1910) были брошены им в самом начале работы.

Своеобразным финалом этих многолетних попыток становится написание Толстым диалога «Проезжий и крестьянин» (1909), который носит полухудожественный, полупублицистический характер. Выбирая драматургическую форму повествования, писатель не дает практически никаких деталей, свидетельствующих о характере или происхождении проезжего (хотя из истории создания диалога ясно, что его прототипом был сам Толстой (37, 405–406)). Перед читателем предстает чистый образ проповедника, который в разговоре с крестьянином емко и убедительно формулирует основные законы праведной и счастливой жизни простого человека:

Хочешь служить Богу — его одного слухай: не то что грабить или убивать, а никого не осуждай, не ненавидь, не влипай в худые дела, и не будет плохой жизни (37, 14).

Центральным произведением позднего периода творчества Толстого является роман «Воскресение» (1899). Именно в нем Толстой представляет новый тип героя, который, не являясь священнослужителем, становится первым героем-проповедником в творчестве писателя и, как нам представляется, создается им с опорой на традиции, выработанные Джордж Элиот.

Необходимо уточнить, что понятие «проповедник» имеет два основных значения. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова первое из них — «священнослужитель или служитель культа, произносящий проповедь, проповеди»; второе, с пометой «переносное», — «распространитель какого-н. учения, идей, взглядов»⁵. Герои Элиот (за исключением радикала Феликса Холта) являются проповедниками в прямом смысле этого слова. Более того, и Дина, и Эдгар Триан принадлежат к протестантской конфессии, а во всех течениях протестантизма проповедь является главным элементом богослужения. При этом, в отличие от официальной англиканской Церкви (по сути, также протестантской), методисты, к которым принадлежит Дина Моррис, широко использовали еще и метод проповеди на открытом воздухе, опираясь на один из главных принципов протестантизма: «Каждый христианин, будучи избранным и крещеным, получает “посвящение” на сверхъестественное общение с Богом, право проповедовать и совершать богослужение без посредников — церкви, духовенства»⁶.

Нехлюдов, конечно, является проповедником только во втором, переносном смысле этого слова, поскольку не представляет никакого религиозного течения, а лишь отстаивает взгляд на социальное устройство, отличный от общепринятого. После свершившегося с ним духовного переворота герой призывает почти каждого из своих собеседников не отворачиваться от существования «страшного зла, которое он видел и узнал за это время» (32, 439). «...Мы не имеем ни малейшего понятия о том, что делается с этими несчастными, а надо это знать» (32, 346), — говорит Нехлюдов сестре накануне отъезда.

Пафос этого убеждения Нехлюдова почти идентичен словам Феликса Холта, героя одноименного романа Джордж Элиот, которые Толстой выделяет на полях в 1885 году. Убеждая легкомысленную Эсфирь задуматься о жизни, Холт говорит:

Вы недовольны миром, потому что вы не можете получить те пустяки, которые доставят вам удовольствие, а не потому, что в этом мире тысяч мужчин и женщин снедаемы злом и нищетой и поражены скверной⁷.

Как и Нехлюдов, герой Элиот преодолевает соблазн «превратить жизнь свою в легкое удовольствие»⁸ и, получив образование, отказывается выбрать профессию и образ жизни людей среднего класса, обличая ее лживость и безнравственность:

По-моему, такая работа хуже, ниже всякого ремесла⁹;

Я могу кончить вымогательством грязных грошей от бедных на приобретение тонкого платья или сытного обеда, под предлогом службы на их же пользу¹⁰.

Очевидно, что Феликс Холт является радикалом не только по своим политическим взглядам — как и толстовский герой, он радикален, прежде всего, в своем отношении к жизни. Его деятельность и «религия» как героя-проповедника так же, как и у Нехлюдова, связана с улучшением жизни простых людей. Феликс сознательно выбирает жизнь среди рабочих и профессию часовщика ради высокой миссии:

Мир этот очень непривлекателен для большинства людей. Но я задался непременным намерением сделать его как можно более сносным¹¹.

Беседы с рабочими, обучение детей бедняков — вот конкретная деятельность, посредством которой герой пытается добиться своей цели — «работать, трудиться ради строгой истины»¹².

Нехлюдов точно так же гораздо больше, чем словом, «проповедует» делом: в той же сцене прощания с сестрой на ее вопрос, что он станет делать, герой отвечает:

Что могу. Я не знаю, но чувствую, что должен что-то сделать. И что могу, то сделаю (32, 346).

Этим Нехлюдов существенно отличается от предыдущих автопсихологических героев Толстого: Николенька Иртеньев, Пьер, Левин были сосредоточены на поиске смысла жизни, прежде всего, для себя. Нехлюдов первым обращает рефлексию к переустройству жизни других:

Прежде надо было придумывать, что делать, и интерес дела был всегда один и тот же — Дмитрий Иванович Нехлюдов... Теперь все дела касались других людей, а не Дмитрия Ивановича, и все были интересны и увлекательны, и дел этих было пропасть (32, 310).

Желание искупить свою вину перед Катюшей выливается в помощь целому ряду осужденных и в финале — решимость героя сделать что-то для исправления ситуации в целом. Дело это, подчеркивает автор в последней главе романа, «сильнее, чем когда-нибудь, мучало его и требовало от него деятельности» (32, 439).

Это стремление Нехлюдова именно к деятельному исправлению зла зафиксировано и на уровне поэтики: само слово «дело» является едва ли не самым частотным на страницах «Воскресения». Об отношении к жизни как к «делу» упоминается уже в воспоминаниях героя о своей юности: Толстой пишет, что Нехлюдов тогда познавал «важность жизни и всю значительность дела, предоставленного в ней человеку». Возрождение такого ощущения жизни станет первым достижением героя на пути к «воскресению». Понятие «дела» начинает постоянно сопровождать его после нравственного потрясения на суде:

Надо было съездить по деревням, чтобы устроить там свои дела (32, 198);

В Петербурге у Нехлюдова было три дела (32, 246).

Таким же перечислением дел завершается роман: осознав, что нужно делать для исправления зла, герой заключает:

Так вот оно, дело всей жизни. Только кончилось одно, началось другое (32, 444).

В окончательном варианте романа Толстой не показывает путь Нехлюдова после освобождения Катюши, однако

финал первой редакции «Воскресения» рисует картину, чрезвычайно близкую финалу «Отца Сергия» («Он работает у хозяина в огороде и учит детей, и ходит за больными» (31, 46)). Нехлюдов так же, женившись на Катюше, зарабатывает на жизнь «садом и огородом и статьями в русских и зарубежных изданиях» (33, 94). Кроме того, он занимается «сочинением книг о земельной собственности и ...обучением детей, которые приходили к нему» (33, 93).

Вполне закономерно, впрочем, что этот вариант жизни не удовлетворил Толстого: ему нужно было показать, что вся жизнь героя подчинена делу исправления зла — и в этом смысле он также является проповедником своих взглядов (а по сути — религиозно-этического учения Толстого).

Такое понимание сущности проповедничества доказывает вся система образов «Воскресения». Помимо Нехлюдова, в романе изображены еще три типа проповедников, однако ни один из них не становится выразителем авторских взглядов. Первый из таких типов — традиционный православный священник. В романе он встречается дважды: один из персонажей служит в суде, другой — в острожной церкви. Однако обряды, совершаемые обоими, одинаково представлены Толстым как внешнее, формальное действие, не находящее отклика ни в душах прихожан, ни в сердцах самих священников, воспринимающих службу как «привычное занятие»:

То же, что труд его в суде, состоящий в том, чтобы приводить людей к присяге над Евангелием, в котором прямо запрещена присяга, был труд нехороший, никогда не приходило ему в голову, и он не только не тяготился этим, но любил это привычное занятие... (32, 28–29).

Служение Богу становится в этом случае только частью бесчисленных чиновничьих процедур, оправдывая насилие, совершаемое над людьми, и службу надзирателей:

Если бы не было этой веры, им не только труднее, но, пожалуй, и невозможно бы было все свои силы употреблять на то, чтобы мучать людей, как они это теперь делали с совершенно спокойной совестью (32, 139).

Альтернативой официальной Церкви, обряды и служители которой показаны Толстым с максимальной непривлекательностью, становятся два образа, появляющихся в конце романа: это юродивый старик и англичанин-миссионер. «Невысокий лохматый старик», которого Нехлюдов встречает сначала на переправе, а затем в остроге, пропагандирует, по сути, протестантское спасение личной верой: «Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь всяк сам себе, и все будут заедино» (32, 419).

Очевидно, что этот странствующий проповедник вызывает как у Нехлюдова, так и у автора больше симпатии, чем англичанин-миссионер — «здоровый, румяный человек» (32, 427), проповедующий в тюрьме «спасения верою и искуплением» (32, 434). В отличие от юродивого, своеобразно выражающего народную веру и живущего среди народа, англичанин представлен Толстым как общераспространенный, «массовый» вариант проповедника, столь же формально относящегося к своим обязанностям, как и официальная Церковь. Он так же, как и Нехлюдов, приходит в тюрьму — но, в отличие от главного героя романа, воспринимается здесь как официальный визитер — недаром арестанты во время разговора с ним «молча стояли перед нарами, вытянув руки по швам» (32, 434). Как и Нехлюдов, англичанин указывает на Евангелие как источник истины (и именно его Евангелие герой читает в финале романа) — но указывает формально, словно походя: «В этой книге, скажите им... все это сказано» (32, 434). Парадоксальным образом английский миссионер даже провозглашает одно из главных толстовских убеждений: «Тебя ударили по одной щеке, подставь другую» (32, 436) — однако как прямой совет дерущимся заключенным это выглядит нелепо и закономерно вызывает их смех.

Показательно и то, что англичанин не понимает идей старика-юродивого и называет его полоумным. В этой сцене второй встречи Нехлюдова с бродячим проповедником в очередной раз актуализируется разница между воззрениями Толстого и тем, что в «Воскресении» он неоднократно называет «мнением других». На вопрос англичанина, «как же

поступать теперь с ворами и убийцами», старик отвечает: «Скажи ему, чтобы он с себя антихристову печать снял, тогда и не будет у него ни воров, ни убийц» (32, 438), тем самым уже подводя Нехлюдова к открывающейся ему в финале истине: нужно прощать виноватых, поскольку

...общество и порядок вообще существуют не потому, что есть эти узаконенные преступники, судящие и наказывающие других людей, а потому, что, несмотря на такое развращение, люди все-таки жалеют и любят друг друга (32, 443).

Англичанин, пропагандируя ту же идею на словах, не доходит до ее сути.

Понимание это, возникшее у Нехлюдова при чтении Евангелия, по сути уже было подготовлено его собственным изменившимся отношением к людям — в том числе падшим и грешным. По мере того как происходит духовное «воскресение» героя, жалость, сострадание постепенно начинают побеждать в нем чувство оскорбления, отвращения или сожаления о прежней жизни. Особенно наглядно это показано в сцене свидания с Масловой, которую в больнице необоснованно обвинили в «шашнях» с фельдшером: Нехлюдов заставляет себя простить героиню и ощущает «никогда прежде не испытанное чувство тихой радости, спокойствия и любви ко всем людям» (32, 308).

Это сострадание и всепрощающая любовь также являются существенными чертами образа проповедника, создаваемого Толстым, и именно эти качества максимально акцентирует Джордж Элиот в своих ключевых героях. Неслучайно Толстой вспоминает о романе «Адам Бид» и его пафосе «любви к Богу и ближнему» как раз в период создания «Воскресения». Писатель не мог не обратить внимания на ключевую сцену романа Элиот, в которой проповедница Дина Моррис приходит в тюрьму к своей кухне, детоубийце Хетти. В этом эпизоде методистка Дина наиболее отчетливо противопоставлена официальной церкви: Хетти не желает говорить с англиканским пастором Ирвином, и на нее не оказывает никакого влияния «резкий», «безучастный и сухой» тюремный священник. Только после прихода Дины Хетти признает свою вину и начинает стремиться к тому, чтобы «Бог простил ее»¹³.

При всей символичности образа Дины в этой сцене (она усиливается мотивом света, сияющего во тьме) значимо, что героиня спасает преступницу Хетти не столько проповедью, сколько своим человеческим участием и сочувствием. Она объясняет свое желание побыть с героиней тем, что «бедная грешница оставлена всеми», а войдя, смотрит на спящую кухню «с глубоким сердечным участием». Лицо Дины в начале разговора «полно печальной нежности и сострадания», а в момент, когда Хетти доверяется ей, Дина ощущает «глубокую радость: ее любовь принята несчастной погибающей душой»¹⁴. Только через сострадание героиня-проповедница добивается того, что ее слова о Божьем милосердии услышаны Хетти и побуждают ее к раскаянию.

Это живое сострадание является доминантой и другого, более раннего, образа проповедника в творчестве Элиот — Эдгара Триана. В сцене, когда Триан приходит к попавшей в беду Джэнет Демпстер, Элиот прямо проговаривает мысль о том, что способность сострадать — главное качество священнослужителя:

Поучение о божественной благодати, произносимое устами, не трепетавшими от сострадания к человеческим слабостям, не встречает доверия¹⁵.

Однако в повести «Исповедь Джэнет» Элиот привносит еще один существенный элемент в образ проповедника: она делает Триана грешником, однажды оступившимся и искупающим вину перед погубленной им девушкой служением людям. Раскаяние героя становится не только причиной, но и своеобразным условием того, что он может понимать и спасать другие страждущие души. Неслучайно он начинает беседу с кающейся Джэнет словами:

Обращаясь ко мне, вы обращаетесь к подобному вам грешнику, который сам нуждался в той же помощи и в том же утешении, каких ищите вы¹⁶.

Очевидно, что в романе Толстого осознание Нехлюдовым собственного греха и вины перед Катюшей также становится залогом зарождающейся в его душе «любви ко всем людям». В этом Нехлюдов сближается со всеми ключевыми героями

Толстого, каждый из которых обретает истину, только пройдя путь заблуждения и морального падения.

Таким образом, тип героя-проповедника, формирующийся в позднем творчестве Толстого, имеет следующие черты. Проповедуя, по сути, евангельские истины, такой герой не ведет никакой открытой пропаганды своих взглядов, но доказывает свою правоту поступками и всей жизнью — делом, а не словом. Он радикально отказывается от земных благ, имущества, комфортных условий жизни и сознательно интегрируется в народную жизнь, максимально сближаясь с простыми людьми, забота о которых становится его главным делом. Пройдя путь раскаяния в прошлых грехах, он вырабатывает в себе умение прощать и милосердие к людям.

Эти особенности присутствуют и в рассмотренных нами образах Джордж Элиот. Ее вариант проповедничества, интерес к которому Толстой проявлял на протяжении всей жизни, становится для писателя своеобразным ориентиром, помогает создать новый тип героя, к которому Толстой не мог приблизиться на протяжении долгого времени. Во многом в образе Нехлюдова писатель представил ту модель служения людям, которую пытался воплотить и в собственной жизни. За год до своего ухода из Ясной Поляны он пишет короткий диалог «Проезжий и крестьянин», в котором изображает уже совершенно «готовый», беспримесный тип проповедника-странника. И это еще раз подтверждает, что творчество Джордж Элиот сыграло немаловажную роль в судьбе Толстого — творческой и личной.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 14-34-01240.
- ¹ См.: [1], [3], [8], [9], [10], [11], [12], а также наши исследования: [6], [7].
  - ² Сочинения Л. Н. Толстого цитируются в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках по изданию: *Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений*: В 90 т. М.-Л., 1928–1958.
  - ³ Eliot G. *Felix Holt, the radical*. Leipzig, Bernhard Tauchnitz, 1867. Vol. 1. P. 176. Перевод всех отрывков из этого издания выполнен О. В. Кореневской.

- ⁴ Цит. по: [2, 12].
- ⁵ Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/190242>. Дата обращения: 8.04.2014.
- ⁶ Крюковских А. Словарь исторических терминов [Электронный ресурс]: <http://interpretive.ru/dictionary/461/word/protestantizm>. Дата обращения: 9.04.2014.
- ⁷ Eliot G. *Felix Holt, the radical*. Leipzig, Bernhard Tauchnitz, 1867. Vol. 1. P. 176.
- ⁸ Феликс Гольт, радикал: Роман Джорджа Элиота. СПб., 1867. С. 61.
- ⁹ Там же. С. 62.
- ¹⁰ Там же. С. 63
- ¹¹ Там же. С. 61.
- ¹² Там же. С. 130.
- ¹³ Eliot G. Adam Bede. Интернет-ресурс: <http://www.gutenberg.org/files/507/507-h/507-h.htm>. Дата обращения: 19.08.2011. Перевод наш. — И.Г.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Элиот Дж. Исповедь Джэнет // Современник. 1860. Т. 81. Приложение. С. 113.
- ¹⁶ Там же. С. 110.

Список литературы

1. *Blumberg E. J.* Tolstoi and the English novel: a note on «Middlemarch» and «Anna Karenina» // Tolstoi and Britain. Oxford-Washington, 1995. P. 93–103.
2. *Cooper L.* George Eliot. Harlow–London, 1970. 40 p.
3. *Jones W. G.* George Eliot's «Adam Bede» and Tolstoy's conception of «Anna Karenina» // Tolstoi and Britain. Oxford–Washington, 1995. P. 79–91.
4. *Liddell R.* The novels of George Eliot. London: Duckworth, 1977. 193 p.
5. *Басинский П. В.* Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. 572 с.
6. *Гнусова И. Ф.* «Исповедь Джэнет» Джордж Элиот и «Отец Сергей» Л. Н. Толстого: сострадание вместо поучения // Вестник Пермск. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 81–90.
7. *Гнусова И. Ф.* Совершенствующаяся героиня в творчестве Джордж Элиот и Л. Н. Толстого // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 369. С. 17–24.
8. *Демидова О. Р.* Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850–1870-е годы): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 242 с.
9. *Николаева Т. А.* Толстой – читатель Джордж Элиот // Яснополянский сборник–1978. Тула, 1978. С. 202–207.

10. *Нуралова С. Э.* Лев Толстой и викторианский роман. Ереван, 2010. С. 62–65.
11. *Проскурнин Б. М., Хьюитт К.* Роман Джордж Элиот «Мельница на Флоссе»: Контекст. Эстетика. Поэтика. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. 92 с.
12. *Селитрина Т. Л.* Дж. Элиот и Л. Толстой: религиозные искания и нравственный идеал // *Филология и культура*. 2013. № 2 (32). С. 228–232.
13. *Розов А. Н.* Сельский священник в духовной жизни русского крестьянства второй половины XIX — начала XX вв. Дис ... д-ра культурол. наук. СПб., 2003. 338 с.

Irina Fedorovna Gnyusova

Ph.D., Associate Professor of

National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

irbor2004@mail.ru

PREACHER AS A CHARACTER OF LEO TOLSTOY AND GEORGE ELIOT

Abstract. The article analyzes characters of clergymen and the process of creating the specific type of a preacher in Leo Tolstoy's works. The researcher tries to prove that this process was strongly influenced by Tolstoy's close attention to the preacher characters in George Eliot's works. This can be proved by Tolstoy's letters, diary and notes in the books from the writer's personal library. The main features of Tolstoy's preacher character are demonstrated by the example of Prince Nekhlyudov (*Resurrection*). Proclaiming evangelical truth, he is not a member of any confession; he does not promulgate his views, but proves his case by his actions and his way of life. He rejects earthly comfort and goods and voluntarily becomes integrated into people's life. Having walked his way of repentance of former sins, he cultivates the ability to forgive and have mercy. George Eliot also accents these features in the key characters of her books, analyzed in this article (*Janet's repentance, Adam Bede and Felix Holt, the Radical*). Eliot's version of preaching becomes a certain guide for Tolstoy in the process of shaping a new type of character in his late works.

Keywords: Leo Tolstoy, George Eliot, clergyman, preacher

References

1. Blumberg E. J. Tolstoy and the English novel: a note on "Middlemarch" and "Anna Karenina". *Jones W. G. (ed.) Tolstoy and Britain*. Oxford–Washington, Berg Publishers, 1995, pp. 93–103.
2. Cooper L. *George Eliot*. Harlow–London, 1970. 40 p.

3. Jones W. G. George Eliot's "Adam Bede" and Tolstoy's conception of "Anna Karenina". *Jones W. G. (ed.) Tolstoi and Britain*. Oxford–Washington, Berg Publishers, 1995, pp. 79–91.
4. Liddell R. *The novels of George Eliot*. London, Duckworth, 1977. 193 p.
5. Basinskiy P. V. *Svyatoy protiv Lva. Ioann Kronshtadtskiy i Lev Tolstoy: istoriya odnoy vrazhdy* [*The Saint versus Leo. John of Kronstadt and Leo Tolstoy: the story of a feud*]. Moscow, AST Publ., 2013. 572 p.
6. Gnyusova I. F. "Ispoved Dzhenet" Dzhordzh Eliot i "Otets Sergiy" L. N. Tolstogo: sostradanie vmesto poucheniya [George Eliot's "Janet's repentance" and Leo Tolstoy's "Father Sergius": sympathy versus homily]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [*Journal of Perm University. Russian and Foreign Philology*], 2014, no. 1 (25), pp. 81–90.
7. Gnyusova I. F. Sovershenstvuyushchayasya geroinya v tvorchestve Dzhordzh Eliot i L. N. Tolstogo [Perfection of female characters in George Eliot's and Leo Tolstoy's works]. *Vestnik Tomskogo Universiteta* [*Journal of Tomsk State University*], 2013, no. 369, pp. 17–24.
8. Demidova O. R. *Sharlotta Bronte, Elizabet Gaskell, Dzhordzh Eliot v Rossii (1850-1870-e gody)* [*Charlotte Bronte, Elizabeth Gaskell, George Eliot in Russia (1850–1870)*]. Leningrad, 1990. 242 p.
9. Nikolaeva T. A. Tolstoy – chitatel' Dzhordzh Eliot [Tolstoy as a reader of George Eliot]. *Yasnopolyanskiy sbornik-1978* [*Yasnaya Polyana Collected Works, 1978*]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978, pp. 202–207.
10. Nuralova S. E. *Lev Tolstoy i viktorskiy roman* [*Leo Tolstoy and the Victorian novel*]. Erevan, Lusabats Publ., 2010, pp. 62–65.
11. Proskurnin B. M., Hewitt K. *Roman Dzhordzh Eliot "Mel'nitsa na Flosse": Kontekst. Estetika. Poetika* [*The Mill on the Floss by George Eliot: Context. Aesthetics. Poetics*]. Perm, Perm State University Publ., 2004, 92 p.
12. Selitrina T. L. Dzh. Eliot i L. Tolstoy: religioznyy iskanie i npravstvennyy ideal [G. Eliot and L. Tolstoy: religious quest and spiritual ideal]. *Filologiya i kultura* [*Philology and Culture*], 2013, no. 2 (32), pp. 228–232.
13. Rozov A. N. *Sel'skiy svyashchennik v dukhovnoy zhizni russkogo krest'yanstva vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [*The village priest in the spiritual life of the Russian peasantry during the second half of the 19th and early 20th centuries*]. St. Petersburg, 2003. 338 p.